

Как и во всех постсоветских республиках, в Беларуси происходит активный поиск национальной идентичности. При этом значительная часть интеллигенции склонна отождествлять белорусскую государственность и саму национальную идею с историей Великого княжества Литовского. На этом направлении создана масса легенд и мифологем. В их основе утверждение, что, поскольку белорусы составляли большинство населения Великого княжества, оно являлось государством белорусского народа. И хотя эта концепция не встречает поддержки ни в польской, ни в литовской историографии, в кругах минской интеллигенции она распространена. О том, каким было реальное положение белорусов в Великом княжестве Литовском и где следует искать основы национальной идентичности, размышляет известный белорусский общественствовед доктор философских наук Лев Евстафьевич Криштапович.

ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

доктор философских наук

ЗАЧЕМ НАМ ЧУЖАЯ ИСТОРИЯ, КОГДА У НАС ЕСТЬ СВОЯ?

Формирующаяся сегодня белорусская модель развития опирается на многовековой опыт историко-культурного становления белорусского народа на стыке цивилизации Востока и Запада.

На рубеже первого и второго тысячелетий значительную часть территории нынешней Беларуси занимали Полоцкое княжество на севере и Туровское — на юге. Построенные в середине XI века Софийские соборы в Полоцке, Новгороде и Киеве символизировали собой единство восточнославянской цивилизации, общность традиций, веры, культуры и исторические судьбы.

Вхождение белорусских земель в состав Великого княжества Литовского существенно повлияло не только на этническую консолидацию, но и на развитие материальной культуры белорусского народа. Обусловлено это было тем, что восточнославянские земли в составе Великого княжества Литовского с латинской точки зрения занимали положение завоеванных провинций. Ибо по условиям Кревской унии Ягайло обязался «на вечные времена присоединить к Польше свои литовские и русские земли»¹. С этого времени Великое княжество Литовское основывается на латинском принципе, имевшем кардинальное отличие от организации материальной и духовной жизни восточнославянской цивилизации. Неслыханное татарское нашествие как бы завуалировало ту реальную опасность, которая угрожала белорусским землям со стороны

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич родился в 1949 году в деревне Пекалин Минской области. Окончил исторический факультет БГУ. Доктор философских наук, профессор. Заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. Автор книги «Беларусь и Россия: историческое и цивилизационное единство» (Минск, 2006).

Литвы и Польши. “Русским на западной стороне, – справедливо указывал М. Коялович, – предстояла отчасти та же работа, что и на восточной. Против всех этих врагов западноруссам нужно было защищать не только государственное свое тело, но и славянскую свою душу. Задача была сложнее, труднее. От того и решена она была здесь более неудачно: и государственность не могла прочно устроиться, и душа славянская более пострадала. От того-то здесь русскими остались только крестьяне. . . ”².

Польское государство было образовано на несовместимых принципах – славянстве и латинстве. Эта ахиллесова пята польской государственности приводила к тому, что Польша изначально теряла свои западные земли и искусственно подталкивалась латинской иерархией, которая была пропитана меркантильным немецким духом, на Восток, на Русь. Уже в 1147 году папа римский Евгений III благословил первый крестовый поход германцев против славян. Потеряв в XII веке Силезию, славянские земли между Эльбой и Одером, на которых возникло немецкое княжество Бранденбург, недальновидные польские правители стремятся компенсировать территориальные потери, захватами русских земель, не понимая, что они толкают Польшу к самоуничтожению. Польский народ был превращен в рабочий скот, а польская шляхта усваивала немецкие обычаи, денационализировалась. Отсюда резкое разделение между верхами и низами польского общества, разделение, которого Западная и Восточная Русь никогда не знала. Польское законодательство представляло собой не законы общего государства, а законы иноземных частных корпораций. Католическая церковь руководствовалась римским каноническим правом, польская шляхта – своими корпоративными привилегиями, города управлялись на основе немецкого – магдебургского права, а народ жил по своим славянским обычаям и традициям. В отличие от Польши в России вплоть до Соборного Уложения 1649 года судебные учреждения были общими как для крестьян, так и для лиц других сословий.

Правящие классы Польши и Литвы, руководствовавшиеся не национальными, а узкоэгоистическими интересами, вступили на путь латинизации русских земель. Польский король Ягайло издал постановление о запрещении католикам вступать в браки с православными обоюбого пола, “пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви”. В случае нарушения этого постановления повелевалось принуждать к принятию католической веры телесными наказаниями того из супругов, который исповедовал православие. Городельский сейм 1413 года, на котором был составлен акт о соединении Литвы и Польши в одно государство, резко разделяет жителей Великого княжества Литовского по вероисповедному признаку. Городельский трактат положил начало образованию литовской католической аристократии как господствующего сословия в государстве. Все высшие должности могли занимать только литовцы-католики. Последние составляли при великом князе литовском так называемую господарскую Раду. Литовская народность заняла привилегированное положение в Великом княжестве Литовском. Такая политика не могла не вызвать чувства обиды среди русского населения. Антагонизм русских земель с собственно Литвой, наметившийся во времена Ягайло, выступил наружу.

В 1436 году в Великом княжестве Литовском была введена инквизиция. Православные, то есть русский народ (белорусы и украинцы), подверглись гонениям. Им даже запрещалось строить церкви. И все это происходило в государстве, где литовско-латинский элемент составлял ничтожную часть, как в территориальном, так и в демографическом плане. Борьба между русскими землями и латинизированной Литвой особенно проявилась в период кровавых распрей между Свидригайло и Сигизмундом. В целях примирения Руси с Литвой и привлечения на свою сторону русской шляхты польский король и великий князь литовский Казимир IV 2 мая 1447 года издал новый привилей. В нем говорилось о распространении шляхетских прав и вольностей на всю православную русскую шляхту Литовского княжества. Однако латинский принцип занятия государственных должностей только католиками оставался в силе.

Напряженные отношения между русскими православными князьями и литовскими католическими магнатами сохранялись на протяжении всего XV века и нередко принимали открытые формы выступлений Руси против Литвы. В 1471 году умер киевский князь Семен Олелькович. Правительство решило превратить Киевское княжество в литовскую провинцию, назначив в Киев на-

местника – литовского магната Гаштольда. В ответ на эту явно антирусскую акцию литовского правительства русские князья составили заговор против Казимира IV. Он был раскрыт, заговорщики казнены. Примечательно, что заговорщики действовали в расчете на помощь Москвы. Объективно литовское правительство в отношении русских земель (Беларуси и Украины) проводило политику оккупационного режима. Классическим примером угнетенного положения русского народа (белорусов и украинцев) в государственной системе Великого княжества Литовского является эпизод из жизни князя Константина Ивановича Острожского, знаменитого победителя московских войск под Оршей в 1514 году. Польский король Сигизмунд I назначил К. Острожского великим литовским гетманом. Это звание давало право русскому князю на место в составе господарской Рады. Но литовцы-католики категорически были против принятия в Раду К. Острожского на том основании, что он схизматик, то есть православный. С большим трудом в виде исключения Сигизмунд I уговорил Раду допустить в ее состав знаменитого полководца. Этот факт также красноречиво опровергает выдумки национал-русофобов о существовании белорусского правительства и белорусского государства в период Великого княжества Литовского.

Средневековое стало важнейшим рубежом в духовно-культурном развитии белорусского народа, разносторонних культурных связей с другими народами, входившими в состав полиэтнического государства. Евфросинья Полоцкая, Кирилл Туровский и Франциск Скорина своими идеями и трудами обогатили как отечественную, так и европейскую культуру.

В XVII–XVIII веках (период вхождения Беларуси в состав Речи Посполитой) для белорусской культуры была свойственна дихотомичность. Высший слой пользовался польским языком и развивал свою культуру посредством денационализации и полонизации. Одновременно в низших слоях (крестьянстве, мещанстве, православном духовенстве) развивалась народная культура, стержень которой составляли белорусский язык, фольклор, ремесло и декоративно-прикладное искусство. Возникший в результате Реформации протестантизм, который обеспечивал психологическую мотивировку, адекватную духу западного образа жизни, затронул лишь высшие денационализированные слои общества.

Восточнославянскую цивилизацию строили все русские – белорусы, великороссы, украинцы. Это строительство было территориальным, экономическим, церковным и культурным. В результате складывалась самобытная и жизнестойкая цивилизация со своими пространственными, временными и духовными параметрами. В самые тяжелые периоды национально-освободительной войны белорусов и украинцев против польских угнетателей Московское государство открывало свои границы, предоставляя место жительства своим восточнославянским братьям. В течение XVII–XVIII переселение белорусов и украинцев к востоку за Днепр носило непрерывный характер. Причем на Восток бежали не только из ближайших приднепровских регионов Речи Посполитой, но даже с Волыни, поскольку гнет польских панов в западных районах Беларуси и Украины был сильнее, чем на Киевщине и Могилевщине. Польско-литовское правительство всячески препятствовало подобному переселенческому движению, но наши предки снова уходили и нередко с боем пробивали себе дорогу к родной Восточной России. По глубокому замечанию М. Кояловича, “этому-то направлению, этому голосу народа, обьявлявшего, что спасение для него – в восточной России, последовал и Хмельницкий”³.

Белорусы принесли в Россию новое слово – мещане. В 1679 году за Сretenскими воротами в Москве для них была построена Мещанская слобода, и мещане были взяты в ведомство Малороссийского приказа⁴.

Существует точка зрения, что белорусские мещане во многом определили формирование московского говора с характерным для него аканьем, который лег в основание великорусского литературного языка.

Тесное переплетение между белорусами и великороссами, их совместное участие в строительстве восточнославянской цивилизации происходило в религиозно-церковной и национально-культурной сферах жизни общества. Общеизвестно, что преподаватель Полоцкой братской школы Симеон Полоцкий одновременно был выдающимся белорусским и русским общественно-политическим и церковным деятелем. Переехав в 1664 году из Полоцка в Москву, Симеон Полоцкий становится одним из виднейших сподвижников царя Алек-

сея Михайловича. Белорусский просветитель был не только воспитателем детей Алексея Михайловича, но и активным разработчиком проекта создания Славяно-греко-латинской академии в Москве по образцу Киевской академии. Симеон Полоцкий стоит у истоков формирования русской поэзии и русского театрального искусства.

Большую помощь Симеон оказал Алексею Михайловичу на церковном поприще. Он поддержал русского царя в его религиозно-политической борьбе с Патриархом Никомом. На Московском соборе 1666 года была рассмотрена и издана книга Симеона “Жезл правления”, направленная против раскольников.

В то же время раскольники оказали влияние на белорусскую церковную жизнь. Именно среди белорусов сторонники протопопа Аввакума получили широкое распространение, подтверждая тем самым факт существования тесных древних устоев жизни наших народов.

Интенсивный культурный обмен в рамках общерусской цивилизации происходил между Великой Россией и Украиной. Достаточно указать, что Киевская Академия вплоть до конца XVIII века поставляла в Восточную Россию высших церковных иерархов и богословов.

Не подлежит никакому сомнению самое деятельное участие всех представителей восточнославянской народности в созидании своего общего Отечества. Иногда даже затруднительно определить, кто больше положил сил на восточнославянский алтарь: полочанин Франциск Скорина или москвит Иван Федоров, подолянин Мелетий Смотрицкий или холмогорец Михаил Ломоносов, киевлянин Феофан Прокопович или псковитянин Василий Татищев, белорус Михаил Коялович или великоросс Сергей Соловьев?

В процессе дальнейшего исторического развития Беларуси происходит разделение первоначально древнего русского народа, как именовали себя белорусы и украинцы в XVI–XVII веках, на два, хотя и родственные, но отдельных народа. Более или менее фиксированным этапом в этом процессе складывания собственно белорусского народа, не растворявшегося уже в едином древнем русском народе, можно считать вторую половину XVIII века. В этом плане симптоматично высказывание белорусского епископа Георгия Конисского (выходца из православной украинской шляхты) на коронации Екатерины II, где бывший ректор Киевской Академии прямо говорит о православном белорусском народе, ожидающем избавления от национально-религиозных гонений в Польше. Примечательно, что на коронации Георгий Конисский приветствовал Екатерину II как государыню не только от своего имени, но и от земель Белоруссии⁵. К этому времени относится завершающий этап формирования и великорусской народности. “Грамматика русского языка” Михаила Ломоносова вбирает в себя все лучшее от “Славянской грамматики” Мелетия Смотрицкого.

Начинается развитие трех братских народов – великорусского, белорусского, украинского, составляющих единую восточнославянскую цивилизацию, разделенную пока политическими границами.

Весь XVIII век до окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году характеризуется ожесточенной борьбой белорусов и украинцев против польских панов и католическо-униатских священнослужителей и миссионеров. Это борьба с обеих сторон принимала такие чудовищные формы, что порою воскрешала самые мрачные страницы из истории религиозных войн. Крупное восстание белорусских крестьян против польских феодалов было в 1740–1744 годах в Кричевском старостве, принадлежавшем князю Радзивиллу. Последний обложил непомерными повинностями не только крестьян, но и мелкую белорусскую шляхту и православное сельское духовенство. Восстание продолжалось четыре года. С помощью королевских войск князь Радзивиллу удалось расправиться с восставшими. “Многих мужиков, поймав, за ребра на кручье, других по деревьям перевешено”, – писал современник⁶.

Крупнейшим национально-освободительным движением на Украине было знаменитое Уманское восстание в 1768 году под руководством Ивана Гонты и Максима Железняка. Оно распространилось с необыкновенной быстротой и подходило к границам Волыни и Беларуси. Только помощь царских войск спасла поляков от всеобщего пожара истребительной войны белорусов и украинцев против шляхты и католическо-униатской церкви. Символично, но восставший народ совместно с казаками шел на Умань – владение польского магната Потоцкого – под русским военным знаменем. Польские историки, за-

малчивая причины национально-освободительных восстаний в Беларуси и на Украине, обычно объясняли их “дикостью”, “грубостью”, “невежеством”, “гультайством” белорусов и украинцев, “поддержкой царизма”, “агитацией православного духовенства”⁷.

Несмотря на жестокое подавление крестьянских восстаний в Беларуси и на Украине, было очевидно, что процесс воссоединения белорусов и украинцев с русским народом остановить нельзя. Хотя официальные российские представители в Польше (например, русский посол в Варшаве князь Репнин – друг польской знати) весьма недружелюбно относились к защитникам белорусского и украинского крестьянства в Польше, в частности, к белорусскому епископу Георгию Конисскому, однако остановить стремление белорусов к воссоединению с Россией уже было невозможно.

Поэтому, с исторической точки зрения, присоединение Беларуси к России в конце XVIII века, несмотря на конъюнктурную политику царизма, следует считать прогрессивным событием, устранившим угрозу колонизации и окатоличивания белорусского народа.

Выдающиеся историки и философы однозначно оценивали государственное устройство Речи Посполитой как исторический анахронизм, как самую примитивную общественную форму. Ни для кого не составляло тайны, что узкоэгоистические интересы польско-литовского магнатства ведут к гибели само государство. Видный польский мыслитель и гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: “Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели”⁸.

Крупнейший просветитель и подвижник славянского единства во время царствования Алексея Михайловича хорват Юрий Крижанич, прекрасно знакомый с устройствами различных государств, отмечал, что “Польское государство находится в состоянии величайшего упадка”⁹. И даже современные литовские историки признают, что “шляхетская демократия... к концу XVIII века выродилась в полную анархию”¹⁰.

Белорусский историк Михаил Коялович в своей “Истории воссоединения западных унитаров старых времен” (1873) аргументированно обосновал положительное значение раздела Речи Посполитой для нашего народа.

Разделы Речи Посполитой в конце XVIII века подвели черту под целым периодом истории Беларуси и Украины, когда последние наконец-то освободились от неестественной государственной связи с Польшей. Екатерина II имела право в знак этого исторического события выбить медаль с надписью “Отторженное возврати”. Историческая правда состоит в том, что Россия объективно играла прогрессивную роль в деле освобождения Беларуси и Украины от польского гнета.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи (конец XVIII в.) позволило белорусскому этносу развиваться в тесной связи с русским народом, народом, родственным по историко-культурному и цивилизационному развитию, и восставшим естественным-исторический процесс движения Беларуси. Прогрессивное значение вхождения Беларуси в состав Российской империи заключается в том, что, находясь в лоне своей родной общерусской цивилизации, белорусский народ укрепил свой национальный генетический код, избежал грозящей денационализации и тем самым сохранил предпосылки для последующего национального возрождения. Это и произошло в результате Великой Октябрьской социалистической революции”¹¹.

Как отмечал Президент А. Г. Лукашенко, “для нас единственно верное решение – оставаться на родной, сложившейся веками белорусской почве. Собственные традиции, идеалы, ценности, цели и установки составляют становой хребет нашего народа. Они не придуманы, а выстраданы нашим народом, результат естественного приспособления общества к окружающему природному и социальному миру”¹².

Социалистическая революция придала новый импульс социально-экономической, политической и национально-культурной активности белорусского народа, создала условия для выхода его на уровень государственного мышления и государственного строительства. Собственно, формирование белорусского государства начинается с истории Советской страны.

Специфика белорусской государственности обусловлена предшествующим историческим развитием восточнославянской цивилизации. Социальное

равенство, национальная безопасность, солидарность, справедливость, союзность представляли собой ту социальную систему ценностей, на которой зиждился фундамент национальных интересов белорусского государства¹³. Именно на этой основе в исторически кратчайшие сроки произошел невиданный расцвет промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры в Беларуси.

“Мы признаем, – говорил Президент А. Г. Лукашенко на семинаре по идеологии, – что именно с образования в составе Советского Союза Белорусской Советской Социалистической Республики, – да, и мы были учредителями СССР, – начинается наша государственность. Давайте честно скажем, что годы, проведенные в составе Советского Союза, для нас имеют очень большую ценность. Они нам дали столько, сколько не мог дать до этого ни один период существования белорусских земель в составе того или иного государства. Очень много дали”¹⁴.

Это касается и всей специфики белорусской модели развития, которая не сводится к абстрактной экстраполяции социально-экономических и политических преобразований в других странах, а предполагает адаптацию зарубежного опыта реформирования применительно к белорусским условиям.

“Тот путь мы создавали вместе, не я один. Жизнь его создавала”, – справедливо отмечает Президент А. Лукашенко. Следование по этому пути, который развивает наиболее плодотворные традиции восточного славянства, и составляет суть белорусской модели развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно, 1925. С. 17.
- 2 Коялович М. И. Лекции по истории Западной России. М., 1864. С. 71–72.
- 3 Коялович М. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 249.
- 4 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 85.
- 5 Коялович М. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 281.
- 6 Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 87–88.
- 7 Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 6.
- 8 Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960. С. 123.
- 9 Пичета В. Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. М., 1946. С. 30.
- 10 Pirmasis Lietuvos Statutas ir epocha. Vilnius, 2005. P. 20.
- 11 Национальная идея и национальные интересы Республики Беларусь. Минск, 1999. С. 37.
- 12 О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. С. 20.
- 13 Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди. Минск, ИАЦ, 2008. С. 303.
- 14 О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. С. 13.